

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

УДК 94(47).084.3/.5:312-055.2

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.1>

К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТЕКСТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ И ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛАХ 1920-Х гг¹.

В статье автор впервые проводит сравнительный анализ образов «новой женщины», которые сформировались на страницах идеологических сочинений большевиков и являлись частью социального проекта «нового человека». В исследовании использованы сочинения большевистских лидеров, в том числе И. Арманд, Н. Крупской, А. Коллонтай, которые транслировали вполне конкретные характеристики идеала советской женщины.

Переделка женского сознания, по замыслу В.И. Ленина имела практическую значимость, так как представительницы прекрасного пола должны были пополнить ряды строителей социализма. Все упоминания необходимости раскрепощения женщины в его текстах связаны с задачами текущего момента: подъем производства, электрификация, ликвидация безграмотности и т.д. Большевики видели женщину как активного участника революционной борьбы («пролетарка более позднего призыва»), в которой она завоевала себе свободу. Отличительной чертой времени стала пропагандируемая дефамелизация женщины, выразившаяся в призывах к освобождению от домашнего рабства. Однако, практически идеологические установки воплощены в жизнь не были. Обращаясь к материалам журнала «Огонек», автор показала, как соотносились теоретические уста-

новки и демонстрируемая практика. Биографии, рассказы и фотографии, публикуемые на страницах журнала, представляют собой попытку показать результативность проводимой политики отдельными примерами из жизни. Для этого находились женщины, которые делали карьеру в качестве председательниц сельсоветов, губисполкомов и т.д. Многочисленными были публикации материалов, демонстрирующих процесс раскрепощения женщины Востока (в основном Кавказа и Средней Азии). Новизной работы стало выявление неоднородности концепта «новая женщины». Автором доказано, что на конструируемый образ влиял личный опыт и гендер представителей большевистской власти. А пропагандистские материалы в советской прессе скорее транслировали образ «советской женщины», которая пока еще не была явлением массовым.

Ключевые слова: «новый человек», «новая женщина», А. Коллонтай, И. Арманд, Н. Крупская, интеллектуальная история, новая социальная история.

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 14–23. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.1

Karine R. Ambartsumyan, Tamara A. Bulygina

THE IMAGE OF THE SOVIET WOMAN IN THE BOLSHEVIK'S TEXTS
AND PROPAGANDA MATERIALS OF THE 1920S²

The author compares images of a “new woman” in the Bolshevik’s ideological narrative. The image under consideration was a part of a social project coined the “new man”. The works by Bolshevik leaders, including women (I. Armand, N. Krupskaya, A. Kollontai), which conveyed certain characteristics of the ideal of a Soviet woman, were used in the study as sources.

Modification of mentality, including the female one, according to V. Lenin’s plan was significant for practical reasons. It was suggested that women had to take a part in socialist building of a new society. All mentions of the need to emancipate women in his texts related to the goal of the current moment: industrial reconstruction, electrification, elimination of illiteracy, etc. Bolshevik women considered themselves as

the active participants of revolutionary struggle («Proletarian of a later call»). They supposed woman had deserved the freedom by that struggle. A distinctive feature of the time was the propagandized defamilization of women, expressed in calls for liberation from domestic slavery. However, ideological attitudes were not implemented in real life. Analyzing the materials of the Ogonyok magazine, the author shows how theoretical attitudes and demonstrated practice correlated with each other. Biographies, short stories and photos published in the magazine were intended to demonstrate the effectiveness of the policy pursued. There were examples of women who made their careers as chairpersons of village councils, gubernial executive committees, etc. There were numerous

- 1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От “нового человека” до “советского народа”: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917 – 1985 годы)»
- 2 The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43048 “From “new man” to “Soviet people”: ideology, experience, problems of the Soviet project.

publications representing the process of emancipation of the East women (mainly in the Caucasus and Central Asia). The novelty of the work lies in the identification of the heterogeneity of the «new woman» concept. The author proved that the formed image was influenced by personal experience and gender of the Bolshevik government representatives, while the propaganda materials in the Soviet press rather broadcast the image of a «Soviet woman,» who was not yet a mass phenomenon.

В 1917 г. большевики, придя к власти, начали масштабный социальный эксперимент. Создание нового мира сопровождалось деконструкцией старого, в том числе отказом от патриархальных норм, на которых стоял прежний строй. Социализм как новая социально-политическая и экономическая реальность должны были строиться носителями новой морали. Формирование «нового человека» как цель советской социальной инженерии прямо или косвенно присутствует в трудах большевистских лидеров.

Однако процесс становления пропагандистского образа «нового человека» в первые годы советской власти только намечался. Идеал человека коммунистического будущего виден в статье А. В. Луначарского, предостерегавшего от чрезмерного выдвигания на первый план практических потребностей в ущерб более высоким идеалам. Главная опасность – по его мнению – скатывание к мещанству при ставке исключительно на разумный труд и трезвый практицизм. Поэтому для А. В. Луначарского «соприкосновение с великими идеями социализма» были первичны, именно поворот в сознании порождал интерес к научной мысли и технике, что давало возможность для хозяйственной модернизации [23].

Впрочем, В. И. Ленин также прекрасно понимал важность переделки сознания, о чем писал еще в начале своего политического пути в 1900 г. в газете «Искра»: «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению» [20, с.374]. Он подчеркивал, что особое внимание надо уделять молодежи, которая легче «перековывалась». Наряду с этими пропагандистскими установками В.И. Ленин подчинял формирование коммунистического поколения задачам практического строительства нового общества. Каков этот новый человек, он представлял обобщенно, его внимание было приковано к задачам текущего момента: безграмотность, упадок производства и сельского хозяйства и т. д. В этом контексте «новый человек» с новой коммунистической мо-

Key words: «new man», «new woman», A. Kollontai, I. Armand, N. Krupskaya, intellectual history, new social history.

For citation: Ambartsumyan K. R., Bulygina T. A. The image of the Soviet woman in the bolshevik's texts and propaganda materials of the 1920s // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 14–23. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.1

ралью формировался, и одновременно, строил заводы, пахал и сеял, развивал науку, учил и т. д., то есть решал вполне повседневные проблемы.

Фигура «нового человека» сочетала в себе новую мораль с практико-ориентированными знаниями, которые служили бы делу модернизации страны. Так, в начале 1920-х гг. насущной задачей была электрификация и хозяйственное возрождение страны, в этом направлении и должно было воспитываться молодое поколение: «только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение» [17]. Опираясь на старую гвардию, закаленную революцией и имеющую образование, он планировал «воспитание поколения, способного окончательно осуществить коммунизм» [21, с.95]. Практические задачи советского государства предполагали массовость в деле формирования «нового человека», таким образом изживались прежние социальные различия, и формировалась однородная социальная основа для коммунистического будущего.

Идеи и действия по созданию «нового человека» имели гендерное выражение. Большевистская политика воспитания «нового человека» предполагала изменения в сфере гендерной асимметрии, которая, в представлении власти в 1920-е годы, должна была быть сведена к нулю: женщина во всем должна стать равной мужчине. Проблема равноправия полов по прошествии столетия не ушла в прошлое, и в современном российском обществе возникают дискуссии о положении женщины в семье и социуме. В 2019 г. Минтруд утвердил список профессий, в которых не могут быть задействованы женщины по причине тяжести и повышенной опасности. Подобного рода решения властей вызывают негативную реакцию со стороны представительниц феминистских движений, так как расцениваются как поправка прав женщин и демонстрация её подчиненного положения. При обращении к советскому прошлому историческая аналогия напрашивается сама собой, такой же спор мы можем найти в 1920-х годах. В 1926 году журнал «Работница» инициировал дискуссию о том, может ли женщина быть представителем до этого считавшейся типично мужской профессии, например, слесарем [23].

Однако, есть существенное смысловое различие при внешней схожести позиций. В случае раннесоветского периода конструированием новой гендерной идентичности женщины занималось государство, насаждая новый гендерный порядок обществу сверху, исходя из принципа равенства трудящихся женщины и мужчины на производстве. Во втором случае – попытка государства оградить женщин от тяжелого и вредного для здоровья труда вызывают критику со стороны определенной части общества как посягательство на права женщин.

Исследовательница О.С. Поршнева рассматривает социальную мобилизацию как главный метод советской гендерной политики, что предполагало целенаправленное воздействие власти на социум и подавление индивидуальных намерений и целей в пользу общественного блага в том виде, в котором его формулировала сама власть. Социальный инжиниринг советской власти предполагал коренную переделку сознания и поведения человека [28]. Соглашаясь с этим тезисом, добавим, что женщины стали специфической группой социального проектирования, отличавшейся особой отсталостью в глазах большевистских лидеров в силу ее социальных функций в старом обществе являясь оплотом традиционной и частной жизни. Таким образом, к воспитанию женщины нужно было приложить больше стараний, нежели к формированию «нового мужчины».

Меры по созданию «нового человека» вырабатывались в 1920-е годы. В это вписывается положение Н.Л. Пушкаревой о том, которая рассматривает период с конца 1917 г. до конца 1920-х гг. как самостоятельный этап трансформации гендерных отношений в советской России. В частности, шли поиски наиболее приемлемой формулы семейно-брачных отношений. Средством формирования «новой женщины» исследователь назвала путь дефамелизации [30]. Ведение домашнего хозяйства объявлялось формой эксплуатации женщины и выражением ее рабского положения. Новое государство ставило задачей освобождение женщины от ига семьи путем создания столовых и детских садов, которым она могла бы делегировать все свои домашние обязанности, а освободившееся время потратить на общественно-политическую активность. За освобождение от «ига материнства» ратовала и А. М. Коллонтай, имея ввиду при этом не отказ от института семьи, а скорее изменение его основ [29, с.135]. Из брачного союза «новых мужчин и женщин» должна уйти основа материального благополучия, которая трактовалась как признак собственнических отношений и негативная черта старого патриархального строя.

Первая советская конституция в 1918 г. полностью уравнивала женщину и мужчину в правах и обязанностях, что стало прорывом не только

для правового поля России, но и для всего мира. Однако, равенство, установленное законом, формировало гендерный порядок, который социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина определяют, как «этакратический» [12]. Пределы равенства и его проявления регламентировало именно государство, а не формировало общество путем поиска оптимальных форм взаимодействия полов в семье и обществе. Фактически, этакратичность обусловила своего рода национализацию образа женщины, который должен был коррелироваться с нуждами государства. Социологи П.В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова одним из направлений данной политики называют «социальное материнство», которое предполагало активное вовлечение государства и общества в решение проблем семьи [32, с.285].

Обращаясь к вопросу угнетения женщины, В.И. Ленин расценивал данное положение как проявление социального неравенства и ставил прекрасный пол в один ряд с эксплуатируемыми капитализмом классами. Если на производстве рабочего угнетал фабрикант, то женщина становилась жертвой домашнего рабства. Однако, оба состояния трактовались как явления одного социального порядка. В.И. Ленин рассматривал женский вопрос и процесс его разрешения как часть большого социально-политического проекта демократизации. Проблема гендерного неравенства соотносилась с неравенством в целом, с капитализмом и институтом частной собственности [19]. Данная трактовка гендерной асимметрии логично вытекала из марксистского объяснения социального неравенства, которое могло быть ликвидировано не только правом, но и вовлечением женщин в политическую и социальную жизнь страны через массовые кампании. Так возникали проекты социального инжиниринга в отношении женщины.

Женщины расценивались как более угнетаемый слой и более отсталый из-за полной погруженности в мелкое домашнее хозяйство, которое своей непроизводительностью не давало возможности ей развиваться [17, с.29]. Самой угнетаемой среди угнетаемых и неравной среди неравных была женщина Востока, над которой довели религиозные традиции, исключавшие ее свободу в обществе и предполагавшие полное поглощение семьей. Соответственно «новая женщина» – это образ, полностью оторванный от повседневной жизни семьи, то есть «дефамелизированный». В том числе это свойство проявилось в легкости развода. С 1926 г. развод мог производиться в одностороннем порядке, даже по почтовому уведомлению.

Усредненный образ «новой женщины» в текстах В.И. Ленина это прежде всего представительница пролетариата – работница. Эмансипация женщины понималась как мобилизация

на службу советского строительства [12, с.309]. Практические решения в отношении прав и возможностей женщины принимались ситуативно и подгонялись под насущные потребности государства. Так, в 1920 году была издана Директива Политбюро ЦК РКП (б) о рабочей инспекции (Рабкрин), в третьем пункте которой давалось указание Президиуму ВЦИК и Госкону (государственному контролю) привлекать в состав рабкрина на местах неквалифицированных рабочих и преимущественно женщин [8, с.6].

В 1918 г. для работы с работницами и крестьянками были созданы женотделы при ЦК РКП(б) и в местных партийных органах. Заведующей Женотдела при ЦК стала Инесса Арманд, после ее смерти в 1920 году структуру возглавила Александра Коллонтай. После себя она оставила литературное наследие, часть из которого была опубликована под псевдонимом Елена Блонина. Образ женщины, предлагаемый И. Арманд, в общих чертах совпадает с тем, который вырисовывается из текстов В.И. Ленина. В авангарде борьбы за освобождение женщины стояла работница, так как крестьянка была еще более отсталым элементом: «Пролетарка станка должна протянуть руку помощи своей более темной, более отсталой сестре – пролеарки сохи и приобщить ее к своему движению» [1, с.60]. Основой ее взглядов на женский вопрос были ее теоретические представления и недавний опыт революционной борьбы. Если смотреть через призму имагологии, то «новая женщина» И. Арманд наделена более активным началом именно в революционной борьбе [2]. Будучи представительницей своего пола, она полагала, что женщина сама завоевала возможности новой жизни, тогда как В.И. Ленин делал упор на дарование всех прав и свобод сверху большевистской властью. В свете борьбы современных феминисток за внедрение в язык феминитивов, симптоматично использование И.Ф. Арманд термина «пролетарка» [3, с.77], что тоже предполагает констатацию уже завоеванного социального статуса. Если соотносить образ «новой женщины» с концептом «свой-чужой», то большевики-мужчины и большевички-женщины при все сходствах характеристик, наделяли разными качествами новую женщину, в том числе в мужской трактовке она подключалась в борьбе, начатой рабочим классом, в женской – была участницей событий в статусе «пролетарки более позднего призыва» [4, с.71].

Наличие феминитивов в работах является отличительной особенностью именно женских текстов. В отличие от И. Арманд, Н. К. Крупская не была феминисткой, но терминологически старалась выделить советскую женщину. Так она сравнивал, женщин-пролетарок с женщинами-буржуазками. Последних в силу их социального происхождения можно отнести скорее к уг-

нетелям, чем к угнетенным. В представлении Н.К. Крупской наоборот: пролетарка была более свободной, а буржуазки были больше поражены в своих правах.

Ратую за освобождение женщины, большевики игнорировали поражение в правах женщин привилегированных классов, что уже делало процесс воспитания «новой женщины» ограниченным. Это вытекало из того, что буржуазия должна быть уничтожена как класс. Н.К. Крупская факт ограничения констатировала и расценивала такое положение как вполне закономерное. Работница в советском обществе была выше буржуазки в царском прошлом и в условиях нэпа, но равна мужчине-рабочему [17, с.16]. Само по себе утверждение лукавое, потому что в рядах революционеров было немало женщин, которые имели благородное происхождение. Например, знаменитая большевичка Е.Д. Стасова была представительницей не просто дворянства, а семьи, которая дала России несколько выдающихся деятелей: архитектора В. Стасова, музыкального критика и общественного деятеля В. Стасова, Н. Стасову, боровшуюся за женское высшее образование. Непролетарское происхождение имели и феминистки К. Коллонтай и И. Арманд. А. Коллонтай родилась в дворянской семье, И. Арманд – в семье актеров во Франции, и после их смерти воспитывалась в России в доме фабрикантов Арманд. Современное Н.К. Крупской поколение пролетарок вписывались в контекст советского строительства – в НЭП, ликвидацию неграмотности, работу органов управления и т.д. Советская женщина рассматривалась ею именно как равноправная участница текущих процессов и событий: НЭПа, ликвидации неграмотности, организации управления.

А.М. Коллонтай вводит в употребление категорию «новая женщина», но это не идеальная конструкция будущего, скорее реф. идет о реальности: «Оглянитесь кругом, присмотритесь, задумайтесь, – новая женщина – она есть, она существует» [14, с.3]. В ее характеристиках преобладает скорее личность, а не социальный статус. А. М. Коллонтай не уравнивает, а отделяет женщину от мужчины, хотя пишет о ликвидации неравенства. Образ женщины, описанный ею, разительно отличается от представленных выше, дефамилизация связана не с социально-экономическим угнетением прекрасного пола, а скорее проистекает из необходимости борьбы против принижения личности и сексуальности женщины в условиях капиталистического общества. Фигура «новой женщины» выходит за пределы коммунистической идеологии, интересов классовой борьбы и советской модернизации, становясь более антропологичной. Этот тип свободной женщины более успешно существует в рабочей среде, так как буржуазная среда к нему враждебна. В мораль «новой женщины» включаются сексуальные нормы,

которые не упоминаются, например, И. Арманд. Женщина уравнивается с мужчиной не только в политической и социально-экономической сфере, но и сексуальной жизни. Нормы половой жизни в своей реализации, по мысли А. М. Коллонтай, имели две цели: 1. в физическом отношении: воспроизводство и поддержание здоровья; 2. в психологическом плане: формирование тонкой психической организации, «обогащение души чувствами человеческой солидарности» [13, с.37].

В условиях более совершенного социального уклада, нежели капиталистический, женщина должна для себя решать обе задачи и не довольствоваться только первой. Коммунизм как идеология создавал условия для новых принципов отношений полов, вопросы об участии женщины в модернизации и управлении обществом меньше всего волновали А.М. Коллонтай. Однако, полноценное формирование «новой женщины» буржуазная индивидуалистская среда не способна обеспечить, благоприятные условия для нее в среде рабочих: «Выискать тот основной критерий морали, что порождается специфическими интересами рабочего класса, и привести в соответствие с ним нарождающиеся сексуальные нормы—такова задача, которая требует своего разрешения со стороны идеологов рабочего класса» [15, с.61]. Исход классовой борьбы фактически ставится в зависимости от развития и усвоения обществом новой сексуальной морали, именно от нее зависит будущее социальное устройство.

Взгляды А.М. Коллонтай оказались слишком радикальными и слишком далеко ушли от потребностей власти в тот период времени. Ее политическая деятельность в РСФСР закончилась в 1921 г. в связи с разгромом так называемой рабочей оппозиции, которая требовала передать профсоюзам управление народным хозяйством. Дальнейшая карьера продолжилась уже за пределами страны на дипломатическом поприще [26, с.182].

Образ «новой женщины» в духе А. М. Коллонтай можно встретить в литературе того времени. В рассказе М. Шагинян «Флирт» детализируется поведение, искания и ожидания «новой женщины», которую себе представляла знаменитая большевичка. Однако, главная героиня произведения, Любовь Адриановна Жемчужникова не является представительницей пролетариата и ведет богемный образ жизни, такая красочная деталь как ароматный шлейф духов «Герлен» вряд ли позволяет говорить о принадлежности к рабочему классу. Реальность оказалась многообразнее, чем планировали большевики и для определенных слоев был актуален образ бунтарки, но протестующей против обыденности существования. В рассказе явно присутствует эротический контекст, в котором замужняя женщина и мать

двоих детей без порицания и осуждения флиртует с мужчинами в поисках героя того самого, который ей приснился. Важно подчеркнуть, что героиня и ее поиски не вызывают осуждения и не порицаются автором, и даже наоборот, поддерживаются: «Ей казалось, что до сих пор не жила, что вся жизнь ее походила на случайную накипь, которую нужно собрать с себя ложечкой сбросить. Только бы найти того, кто ей приснился, — и она переродится, очистится, начнет жизнь сначала» [34]. Семья представляет собой небольшую часть жизни, в которую Любовь Жемчужникова не погружалась, важна только чувственность и духовное родство, которое возникает с ее мужем перед его смертью.

К концу 1920-х гг. ставка на дефамилизацию образа женщины показала свою несостоятельность. Попытка разрушить семейный быт не удалась, инфраструктура (детские сады, столовые, коммуны), которая должна была обеспечивать освобождение от повседневной рутины, не достигала того уровня, который спасал бы от «домашнего рабства». В 1927 г. вышла в свет брошюра А.В. Луначарского «О быте» [22]. С определенным оттенком сожаления он писал о том, что семья оказалась вне государственной и социально-экономической жизни. Воспроизводство новых поколений коммунистов, как оказалось, возможно только в семье. Нарком просвещения предупреждал о негативных политических и экономических последствиях неправильного решения семейного вопроса. Ломка старого уклада привела к негативным явлениям, например, идентификация парной семьи с детьми как проявление буржуазности и поворот к свободной любви. А.В. Луначарский полагал, что парную семью следует поддержать и сохранить, а вот неравенство мужчины и женщины — это безусловный буржуазный пережиток. Бытовой уклад и гендерную асимметрию дореволюционной семьи следовало отринуть. Выяснилось, что место женщины в условиях свободной любви снова подчиненное и зависимое от мужчины: «Мужчина не страдает от полового акта, для него это то же, что «выпить стакан воды». Женщина, выпив стакан воды, ничего от этого не потерпит, а от полового акта у нее бывают дети. Вот дети и есть центральное место всего вопроса» [22]. Так он, мужчина спорит с идеей женщины А. Коллонтай о сексе как о «стакане воды».

Дефамилизация не привела к установлению равенства, а породила определенный нравственный деформации. В первую речь идет о городской среде, так как крестьянская семья и поведение крестьянки были более традиционными. С другой стороны, так расставляли приоритеты сами большевики, «новая советская женщина» прежде всего работница, представительница пролетариата. Как пролетариат был в авангарде революции, так и в деле освобождения женщины он был локомотивом.

А.В. Луначарский скорректировал образ «новой женщины», он вернул ей традиционное материнство. При этом сам институт брака и место в нем женщины актуален сегодня, даже почти сто лет спустя: «Если я пришел в квартиру к товарищу и увидел, что мужчина с бородой по пояс качает люльку потому, что жена его пошла на собрание или учиться, что бы я мог сказать? Только пожать ему руку, как честному ленинцу. Такие браки, в которых не делается разницы между мужчиной и женщиной, в которых поровну распределяются обязанности, мы должны признать соответствующими нашему идеалу» [22]. Идеологический образ «новой женщины», не мог быть ориентиром будучи не подкрепленным успешными примерами из реальной жизни.

В целом, тексты представителей советской власти создают собирательный образ «новой женщины». В периодике и публицистике, он детализировался и подкреплялся отдельными единичными примерами женщин, которые соответствовали идеологической конструкции. Если тексты советских лидеров представляли собой сложный теоретический концепт «новая женщина», то, когда речь идет о пропаганде мы сталкиваемся с практикой его воплощения в жизнь. Представляется справедливым утверждение Смагиной С.А., что не стоит отождествлять категории «новая женщина» и «советская женщина». В первом случае подразумевается устойчивая идеологическая конструкция, которая служила ориентиром. «Советская женщина» – это собирательный образ реальных женщин в СССР, имеющих многообразные проявления [33].

Популяризируя идею «новой женщины», советская пропаганда прибегала к опыту реальных женщин, в той или иной степени коррелировавших с идеальным образом. Российская исследовательница О.Д. Минаева, на основе изучения журналов «Работница» и «Крестьянка», считает их инструментами пропагандистского обеспечения решения «женского вопроса» в контексте советских социальных реформ 1920 – 1930-х гг. [25]. Первый номер «Работницы» вышел ещё до революции, в 1914 г., некоторые из выпусков не проходили цензуру и были конфискованы властями. Таким образом, партийная женская печать появилась еще до захвата власти большевиками. После революции количество женских изданий возросло, в большинстве из них публиковались статьи и выступления Н.К. Крупской, обеспечивающей пропаганду идеи женского равноправия. С 1922 года начала издаваться «Крестьянка», которая исходя из названия и содержания, имела четко очерченную целевую аудиторию. С 1926 года акционерное общество «Огонек» стало выпускать новый журнал «Женский журнал», который конкурировал с партийными изданиями и отличался менее политизированным содержанием.

По мнению, О. Д. Минаевой он не выполнял агитационные задачи, и поэтому в 1930 г. прекратил свое существование [25, с.38].

Такие журналы как «Работница» и «Крестьянка» ориентировались на сугубо женскую аудиторию, но, исследуя проблему репрезентации образа «советской женщины», следует учитывать и опыт периодики не имеющей гендерной привязки. Так, в журнале «Огонек» в 1920-е гг. публиковались материалы пропагандистского характера на тему равенства и участия слабого пола в жизни страны. Подход был вариативным. Рассмотрим некоторые способы презентации читательницам примеров «советской женщины» не только посредством текстов, но и иллюстративного материала, в том числе фотографии, демонстрирующие ее внешний облик. Публикуя работу М. Шагинян «Флирт», редакция уравнивала не-пролетарское содержание фотографиями сотрудниц женотделов и разместила на тех же страницах, что и рассказ. Вновь мы сталкиваемся с использованием феминитивов. Под всеми иллюстрациями присутствуют термин «делегатки». Внешний облик изображенных женщин отвечает требованиям советской модернизации своей, простотой, утилитарностью и мужественностью. На фотографии съезда делегатов женщины одеты по-мужски в тулупы и кепки, на одной из девушек видна рубашка и повязан галстук [31]. Данный стиль внешней самопрезентации как выражение конфликта новой и старой морали иронично представлен М. А. Булгаковым в «Собачьем сердце»: «Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копыной.

– Какая разница, товарищ? – спросил он горделиво.

– Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших – блондин в папаше.

– В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович» [5].

Методы визуализации советской женщины имели самые разные проявления, советскому читателю представляли не только активисток, но и женщин, уже тогда вошедших в историю как выдающиеся большевички и творцы революции. Власть апеллировала к образам известных женщин как к наглядному примеру их реализации во власти и реального воплощения равенства, дарованного советскими законами. В 1928 г. «Огонек» опубликовал портреты выдающихся женщин-коммунисток под заголовком «Викторина – игра читателей «Огонька. Серия двадцатая – выдающиеся женщины революции». Читателю предлагалось угадать представленных деятельниц партии [6].

Успешное участие женщин в организации советской власти на местах становилось идеальным информационным поводом для публикации и демонстрации широкой, и не только женской, аудитории успехов в деле раскрепощения слабого пола большевиками. Внимания заслуживали сделавшие карьеру представительницы рабочей среды, которая властью мыслилась как самая благоприятная для воспитания «новой женщины». Например, фигура первой председательницы сельсовета была наглядной иллюстрацией и участия женщины в управлении, и благоприятного влияния рабочих на крестьянскую среду. Биография товарища Трегубовой была показательной, так она с 1904 г. являлась членом РСДРП (б), а в 1907 г. вышла замуж за шахтера. Послужной список Трегубой полностью укладывается в видение пути советской женщины В.И. Лениным, призывавшего активно вовлекать женщин в организацию управления: работа в большевистском подполье, председатель комиссии по ремонту школ, член правления кооператива. В 1924 г. стала председателем одного из сельсоветов Полтавского округа [10]. Однако, заметим, что призывы к раскрепощению женщин звучали давно, а первая известная советскому обывателю председательница сельсовета появилась только в 1924 г. Пример товарища Трегубой не был массовым, но имевшиеся редкие случаи эксплуатировались в агитационно-пропагандистских целях.

Другой положительный пример советской женщины – председатель Калужского губернского исполкома товарищ Любимова. На материале публикации о ней можно проиллюстрировать другую особенность советской пропаганды, пытавшейся не только дефамилизировать, но и зачастую дефеминизировать образ женщины. Если в тексте материала заменить «Любимову» на «товарища Любимова» суть описываемой личности и ее заслуг не изменится. Только фотография и фамилия выдают гендер. Весь текст заметки сводится к выполняемым служебным обязанностям и полному соответствию товарища Любимой задачам партии. Обе женщины, Трегубова и Любимова, оказались прочно вписаны в современный им исторический контекст. В первом случае в 1924 г. подчеркивалось революционное прошлое и классовая принадлежность, во второй ситуации председатель губисполкома в 1928 г. представлена как явление типичное, и в ее работе чувствуется приближение коллективизации, так как именно к ней обращаются крестьяне с просьбой о защите от «кулака» [7].

Советской властью были востребованы и поэтические формы репрезентации советской женщины. В 1928 г. в «Огоньке» был опубликован отрывок из поэмы Н.А. Павлович «Женщина». Прежде самого произведения интересна личность автора, так как биография диссонирует с

содержанием представленного отрывка. Надежда Павлович в истории советской литературы оставила заметный след, и сама по себе была женщиной неординарной. Ее биография является примером неоднозначности реализации на практике образа «новой женщины» и скорее стала историческим казусом. Литературным творчеством начала заниматься еще до революции, после 1917 г. работала в Пролеткульте в Москве и Самаре, сотрудничала с Н.К. Крупской. Будучи непосредственно вовлеченной в большевистскую политику, участвовала в организации Петроградского отделения Союза поэтов, она выбивалась из ряда известных коммунисток. Ее публикация в «Огоньке», вторя голосу партии, она пишет о рухнувшей старой морали:

*Ты хочешь, чтобы я осталась прежней
Тиха, послушна, кротка, нежна?
Но если с каждым годом безудержней
Захлестывают наши времена
Но, если я плечом к плечу с тобою,
Как равная, в работе и в бою
Встречаюсь с неподатливой судьбою
И убиваю, и люблю [27]*

Видимо, новый строй ее и советская действительность не смогли ее убедить, и в 1923 году Н.А. Павлович стала послушницей старца Оптиной пустыни отца Нектария, что полностью противоречило идеологической установке советской власти на освобождение женщины от религиозных оков.

Формирование «новой женщины» предполагало ликвидацию гендерной асимметрии в среде различных народов, которых для удобства идентифицировали как восточные. В советской пропаганде особое внимание в течении всего десятилетия особое внимание уделялось женщине Востока, куда включались и представительницы кавказских народов, и жительницы Средней Азии, и в целом мусульманки России. В речах и трудах советских лидеров неоднократно подчеркивалось неравноправное положение восточных женщин, по инерции от имперского прошлого использовался ориенталистский дискурс, наделавший русскую женщину цивилизаторской миссией. Освободившись сама, она протягивала руку помощи еще более закабаленным подругам. На часто публикуемых фотографиях среди участниц съездов женщин «восточных народов» присутствуют русские делегатки [11]. Для демонстрации достигнутых успехов публиковались фото женщин, одетых по-европейски. Так, в 1924 г. была напечатана фотография, сделанная на открытии Самаркандского клуба туземной женщины, все делегатки намеренно сняты без чадры с открытыми лицами [9]. Следовательно, несмотря на возможные тяжелые и даже трагические последствия, у всех народов были молодые женщины, для которых образ «новой женщины» был привлекательным.

Пропагандируя положительный опыт русских женщин, советская власть отдавала приоритет ее вкладу в развитие производства, налаживание системы образования, участие во властных структурах. Новая женщина Востока, в первую очередь, избавлялась от внешних проявлений традиции, и ее освобождение выражалось в возможности свободно общаться, учиться, одеваться. Большое значение придавалось разрыву с семейно-брачными устоями, которые трактовались коммунистической идеологией как собственнические: калым, браки без согласия женщины, многоженство, ранняя отдача девочек замуж.

Таким образом, исследование концепта «новая женщина» в трудах представителей большевиков позволяет сделать вывод о его неоднородности. Будучи сторонниками общей идеологии, они вписывали образ идеальной советской женщины в дискурс классовой борьбы, и его воплощение в

реальности соотносили с успешным завершением социального противостояния. Однако, представляется нецелесообразным считать концепт «новая женщина» гомогенным. Однородность нарушалась авторским прочтением, на который влиял как личный опыт, так и гендер. Имагологически женщины-коммунистки искомый идеал рассматривали как «свой», соотносили себя с ним и наделяли более активным началом. Мужское видение предполагало трактовку «новой женщины» через призму «другого» и снижение ее активности, за счет упора на дарование прав и свобод сверху новой властью. В пропаганде, использующейся для подтверждения успехов власти в деле формирования как «нового человека», так и «новой женщины», эксплуатировался образ «советской женщины». В данном случае речь идет не о теоретическом концепте, а о собирательном образе, построенном на опыте реальных женщин.

Источники и литература

1. Арманд И. Ф. Работницы вспомните о деревне! // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С.60 – 61.
2. Арманд И. Ф. Работницы в Интернационале. М.: Государственное издательство, 1920. 46 с.
3. Арманд И. В. Борьба работниц за последние годы (Справка к напечатанным материалам) // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С.74–81.
4. Арманд И. В. Работа средин женщин пролетариата на местах // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С.70 – 74.
5. Булгаков М. А. Собачье сердце URL: <http://www.vchi.net/mbulgakov/sobach.html> (Дата обращения: 21.08.2021).
6. Викторина – игра читателей «Огонька». Серия двадцатая – выдающиеся женщины революции // Огонек. 1927. №27.
7. День калужского предгубисполкома // Огонек. 1928. №40.
8. Директива Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о рабочей инспекции // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.40. М.: Издательство политической литературы, 1974. С.64.
9. Женские организации на Востоке // Огонек. 1924. №41.
10. Женщина – председатель сельского совета. От нашего полтавского корреспондента // Огонек. 1924. №4.
11. Женщины Востока по стопам русской работницы // Огонек. 1924. №51.
12. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. №3-4. С.299 – 321.
13. Коллонтай А. М. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всесоюзного Центрального исполнительного Комитета Советов Р. К. и К. Депутатов, 1919. С.36- 47.
14. Коллонтай А. М. Новая женщина // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всесоюзного Центрального исполнительного Комитета Советов Р. К. и К. Депутатов, 1919. С.3 – 35.
15. Коллонтай А. М. Отношения между полами и классовая борьба // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всесоюзного Центрального исполнительного Комитета Советов Р. К. и К. Депутатов, 1919. С.48 – 61.
16. Крупская Н. К. Ко всероссийскому совещанию губорганизаторов по работе среди женщин // Крупская Н.К. О работе среди женщин. М.: Государственное издательство, 1926. С.15 – 17.
17. Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников) // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С.1 – 29.
18. Ленин В. И. Задачи Союзов Молодежи (Речь на 3-м Всесоюзном съезде РКСМ. 4 октября 1920 г.) // В.И. Ленин (Ульянов). Собрание сочинений. Т.27. М.: Государственное издательство, 1925. С.313 – 329.
19. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в советской республике речь на IV московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С.198 – 205.
20. Ленин В. И. Проект программы нашей партии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1967. — Т. 4. С. 374.
21. Ленин В. И. Проект программы РКП // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.38. М.: Издательство политической литературы, 1969. С.81 – 124.
22. Луначарский А. В. Мы вплотную подошли к вопросам быта URL: <http://lunacharsky.newgod.su/articles/o-byte/> (Дата обращения: 21.08.2021).
23. Луначарский А.В. Новый русский человек URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/novyj-russkij-celovek/> (Дата обращения: 21.08.2021).
24. Минаева О. Д. «Может ли баба справиться мужичью работу». Особенности производственной пропаганды в советских журналах для женщин 1920-х гг. // Вестник Московского университета. Серия. 10. Журналистика. 2014. №5. С.112 – 129.

25. Минаева О. Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М.: МедиаМир, 2015. 232 с.
26. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщины и Александра Коллонтай // ОНС: Обществ. науки и современность. 1993. №1. С.174 – 186.
27. Павлович Н. Из поэмы «Женщина» // Огонек. 1928. №28.
28. Поршнева О. С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра исторических наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. С.383 – 397.
29. Пушкарева Н. Л. «Близится революция, созвучная пролетарской». Революция до и после 1917-го года как полигон конструирования новой сексуальной культуры // Revue des études slaves. 2019. XC 1-2. P.125 – 139.
30. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012 URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (Дата обращения: 21.08.2021).
31. Пятилетие женотделов // Огонек. 1923. №36.
32. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917 – 1930-е гг. // Социальная история. Ежегодник, 2009. СПб: Алетейя, 2009. С.275 – 295.
33. Смагина С.А. «Новая женщина» как идеологический концепт советского кинематографа 20-х гг. // Артикульт. 2018. 32(4). С. 174-181. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-174-181.
34. Шагинян М. Флирт // Огонек. 1923. №36.

References

1. Armand I. Rabotnitsy vspomnite o derevne! (Female workers remember the village!) // Armand I. F. Stat'i, rechi, pis'ma. Moscow: Politizdat, 1975. P.60 – 61. (In Russian).
2. Armand I. F. Rabotnitsy v Internatsionale (Female workers in International). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. 46 p. (In Russian).
3. Armand I.V. Bor'ba rabotnits za poslednie gody (Spravka k napechatannym materialam) (Struggle of female workers in recent years (Reference to printed materials) // Armand I. F. Stat'i, rechi, pis'ma. Moscow: Politizdat, 1975. P.74–81. (In Russian).
4. Armand I.V. Rabota sredin zhenshchin proletariata na mestakh (Work among female proletarians in the localities) // Armand I. F. Stat'i, rechi, pis'ma. Moscow: Politizdat, 1975. P.70 – 74. (In Russian).
5. Bulgakov M.A. Sobach'e serdtse (The dog's heart) URL: <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
6. Viktorina – igra chitatelei «Ogon'ka». Seriya dvadtsataya – vydayushchiesya zhenshchiny revolyutsii (Quiz – the game for readers «Ogon'k». Episode twenty - outstanding women of the revolution) // Ogonek. 1927. No. 27. (In Russian).
7. Den' kaluzhskogo predgubispolkoma (Day of the Kaluga Governorate Executive Committee) // Ogonek. 1928. No. 40. (In Russian).
8. Direktiva Politbyuro TsK RKP (b) po voprosu o rabochei inspeksii // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii (Directive of the Politburo of the Central Committee of the RCP (v) on the issue of workers' inspection). Vol.40. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974. P.64. (In Russian).
9. Zhenskie organizatsii na Vostoke (Women's organizations in the East) // Ogonek. 1924. No. 41. (In Russian).
10. Zhenshchina – predsedatel' sel'skogo soveta. Ot nashego poltavskogo korrespondenta (A woman is the chairman of the village council. From our Poltava correspondent) // Ogonek. 1924. No. 4. (In Russian).
11. Zhenshchiny Vostoka po stopam russkoi rabotnitsy (Women of the East in the footsteps of a Russian worker) // Ogonek. 1924. No. 51. (In Russian).
12. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve (State construction of gender in Soviet society) // Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki. 2003. №3-4. P.299 – 321. (In Russian).
13. Kollontai A. M. Lyubov' i novaya moral' (Love and new morality) // Novaya moral' i rabochii klass. Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. P.36- 47. (In Russian).
14. Kollontai A. M. Novaya zhenshchina (A new woman) // Novaya moral' i rabochii klass. Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. P.3 – 35. (In Russian).
15. Kollontai A. M. Otnosheniya mezhdru polami i klassovaya bor'ba (Relations between the sexes and class struggle) // Novaya moral' i rabochii klass. Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. P.48 – 61. (In Russian).
16. Krupskaya N. K. Ko vserossiiskomu soveshchaniyu guborganizatorov po rabote sredi zhenshchin (To the All-Russian meeting of the provincial organizers for work among women) // Krupskaya N.K. O rabote sredi zhenshchin. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. P.15 – 17. (In Russian).
17. Lenin V. I. Velikii pochin (O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu kommunisticheskikh subbotnikov) (Great initiative (On the heroism of the workers in the rear. Regarding the communist subbotniks) // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii. Vol.39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. P.1 – 29. (In Russian).
18. Lenin V. I. Zadachi Soyuzov Molodezhi (Rech' na 3-m Vserossiiskom s'ezde RKSM. 4 oktyabrya 1920 g.) (Tasks of the Youth Unions (Speech at the All-Russian with «RKSM ride. October 4, 1920) // V.I. Lenin (Ul'yanov). Sobranie sochinenii. Vol.27. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. P.313 – 329. (In Russian).
19. Lenin V. I. O zadachakh zhenskogo rabocheho dvizheniya v sovetskoj respublike rech' na IV moskovskoi obshchegorodskoi bespartiinnoi konferentsii rabotnits 23 sentyabrya 1919 g. (On the tasks of the women's labor movement in the Soviet republic, speech at the IV Moscow city-wide non-party conference of female workers on September 23, 1919) // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii. Vol.39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. P.198 – 205. (In Russian).

20. Lenin V. I. Proekt programmy nashei partii (Draft program of our party) // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967. P. 374. (In Russian).
21. Lenin V. I. Proekt programmy RKP (Draft program of RKP) // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii. Vol.38. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. P.81 – 124. (In Russian).
22. Lunacharskii A. V. My vplotnuyu podoshli k voprosam byta (We came close to the issues of everyday life) URL: <http://lunacharsky.newgod.su/articles/o-byte/> (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
23. Lunacharskii A. V. Novyi russkii chelovek (New Russian man) URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/novyy-russkij-chelovek/> (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
24. Minaeva O. D. «Mozhet li baba spravit' muzhich'yu rabotu». Osobennosti proizvodstvennoi propagandy v sovetskikh zhurnalakh dlya zhenshchin 1920-kh gg. («Can a woman do a man's work.» Features of production propaganda in Soviet magazines for women in the 1920s) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 10. Zhurnalistika. 2014. No.5. P.112 – 129. (In Russian).
25. Minaeva O. D. Zhurnaly «Rabotnitsa» i «Krest'yanka» v reshenii «zhenskogo voprosa» v SSSR v 1920–1930-e gg.: model' propagandistskogo obespecheniya sotsial'nykh reform (The magazines «Rabotnitsa» and «Krestyanka» in solving the «women's question» in the USSR in the 1920s – 1930s: a model of propaganda support of social reforms). Moscow: MediaMir, 2015. 232 c. (In Russian).
26. Osipovich T. Kommunizm, feminizm, osvobozhdenie zhenshchiny i Aleksandra Kollontai (Communism, feminism, liberation of women and Alexandra Kollontai) // ONS: Obshchestv. nauki i sovremennost'. 1993. No.1. P.174 – 186. (In Russian).
27. Pavlovich N. Iz poemy «Zhenshchina» (From the poem «Woman») // Ogonek. 1928. No.28. (In Russian).
28. Porshneva O. S. Realizatsiya bol'shevistskogo proekta «novaya zhenshchina» v 1923–1928 gg.: protivorechiya i problem (Implementation of the Bolshevik project «new woman» in 1923-1928: contradictions and problems) // Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu d-ra istoricheskikh nauk, prof. V. I. Shishkina. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2018. P.383 – 397. (In Russian).
29. Pushkareva N. L. «Blizitsya revolyutsiya, sozvuchnaya proletarskoi». Revolyutsiya do i posle 1917-go goda kak poligon konstruirovaniya novoi seksual'noi kul'tury («A revolution is approaching, consonant with the proletarian». The revolution before and after 1917 as a testing ground for the construction of a new sexual culture) // Revue des études slaves. 2019. XC 1-2. P.125 – 139. (In Russian).
30. Pushkareva N. L. Gendernaya sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiyanok (The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012 URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
31. Pyatiletie zhenotdelov (Five years of women's departments) // Ogonek. 1923. No.36. (In Russian).
32. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Ritorika i praktika modernizatsii: sovetskaya sotsial'naya politika, 1917 – 1930-e gg. (Rhetoric and Practice of Modernization: Soviet Social Policy, 1917 - 1930s.) // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2009. St. Petersburg: Aleteiya, 2009. P.275 – 295. (In Russian).
33. Smagina S. A. «Novaya zhenshchina» kak ideologicheskii kontsept sovetskogo kinematografa 20-kh gg. («New Woman» as an Ideological Concept of Soviet Cinematography of the 1920s.) // Artikel't. 2018. No. 32(4). P. 174-181. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-174-181. (In Russian).
34. Shaginyan M. Flirt (Flirt) // Ogonek. 1923. No. 36. (In Russian).

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / karina-best21@mail.ru

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / bul.tamara2011@yandex.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine R. – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / karina-best21@mail.ru

Bulygina Tamara A. – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / bul.tamara2011@yandex.ru